

Г А Л А М Р О К

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АДАДА 2

18+

Гала Мрок

Ада 2

<https://litres.ru/74186083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ада продолжает путь по миру, в котором смерть стала привычной.

Удастся ли ей найти семью и сохранить тех, кого она любит?

Она ещё не знает, куда приведёт её дорога и какую цену придётся заплатить за право идти дальше.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Гала Мрок

Ада 2

Глава 1

— Даже не думай сдаваться! — рокошет Кайл, вытаскивая молоток из-за пояса. В глазах гнев и отчаянная решимость.

— Кайл... уже нет смысла бороться, — чувствую горечь слов на языке, слёзы застилают глаза. Руки дрожат, ноги подкашиваются от осознания происходящего. Кажется, еще шаг и я просто рухну с моста, позволю течению унести себя прочь.

— Нет смысла, когда ты мёртв! Пока ты дышишь — нужно стоять до конца! — он резко дёргает меня за руку, заставляя перебежать по мосту на другую сторону реки. Доски скрипят и прогибаются под ногами, в щелях мелькает темная вода внизу.

Две прыткие твари вбегают на шатающийся мост и тут же бросаются вперед. Их белесые глаза, мутные и пустые, в предвкушении обеда смотрят на Кайла. Они толкают друг друга, мешаются, тормозя скорость, и это даёт Кайлу драгоценные секунды, чтобы подготовиться к бою.

Он встаёт вполоборота, выставляет вперёд левую ногу, сжимает молоток обеими руками. Я вижу, как напряжены

его мышцы, как на шее пульсирует вена.

— Беги к промзоне! — кричит он, не оборачиваясь. — Спрячься в ближайшем гараже! Я найду тебя!

Отступаю на несколько шагов, дрожащими руками вытаскиваю нож из ножен. Пальцы скользят по рукояти. «Спокойно, — мысленно приказываю себе. — Бежать или остаться?».

Первая тварь прыгает — Кайл бьет молотком сбоку, попадает в висок. Существо издает хриплый визг, валится на доски, а затем в реку. Вторая тварь прыгает, целясь в ногу Кайла. Он резко отскакивает, замахивается снова — на этот раз удар приходится в лоб, тварь отлетает к перилам и мешком летит вниз.

— Ада! Мать твою! — Кайл бросает короткий взгляд в мою сторону. — Не стой столбом! Беги!

Рык, помноженный на десятки глоток, приближается с пугающей скоростью — будто сама тьма ожила и теперь несется на нас. Мозг даёт сигнал бежать, спастись, а тело не слушается. Ноги приросли к земле, словно корни дерева вцепились в почву. Сердце приказывает остаться с Кайлом до конца и принять смерть достойно — вместе. Даже под страхом смерти я не могу оставить его. Я не смогу без него. И не хочу без него.

Десятки ног мелькают между деревьями — топот нарастает, как барабанный бой перед битвой. Пара секунд и волна тварей появляется на берегу. У одних объединенные лица: отсутствуют щёки, зияют дырой, через которую видны зубы. У

других отгрызены носы, обнажая хрящи и кости. У парочки вообще снят скальп — он на тонком куске кожи болтается в такт их бегу, как-будто жуткое знамя.

— Блять! — орёт Кайл, быстро преодолевая мост. — Бежим!

Он хватается меня за руку, дергает с места. На автомате срываюсь и бегу следом — не разбирая дороги, не видя ничего, кроме его спины впереди. Просто следую за человеком, который скоро умрет. Он знает это, но продолжает меня спасать, продолжает бороться и держится как настоящий воин. А я... А я с каждым шагом умираю внутри. Не понимаю, для чего продолжать бороться, когда приговор уже подписан кровью. Тяжелое, липкое отчаяние сковывает душу, как цепи. Кайл тянет меня вперед. Он не сдаётся. Почему он не сдаётся?

Позади раздаётся треск и множество всплесков воды. Мы останавливаемся, оборачиваемся назад. Старый мост, скрипящий под нашими ногами всего несколько минут назад, не выдержал под массой мертвецов: доски ломаются, вся конструкция рушится.

Река утягивает злобную массу вниз, даруя нам драгоценную фору. Твари бултыхаются на дне, их руки хватаются за воздух, рты открываются в беззвучном рёве. Некоторым удаётся добраться до берега — течение выносит их, они с трудом выбираются на сушу и вновь бросаются в погоню.

— Пупсики решили искупаться... Погнали, — хрипло проговаривает Кайл и срывается с места.

Мои лёгкие горят, в горло будто залили раскаленную лаву. Каждый вдох отдаётся болью, воздух рвёт дыхательные пути. Мышцы ног онемели, они практически не слушаются меня — я бегу скорее по инерции, чем по собственной воле. Но я не могу остановиться. Не сейчас.

Кайл бросает на меня быстрый взгляд через плечо:

— Держись, Ада! Ещё немного! Вон там, за вагончиком, гараж. Нам туда.

Киваю, хотя он уже не видит. Сжимаю зубы, заставляю себя двигаться.

Глубокие лужи брызгами разлетаются под подошвами. Осточертевший дождь вновь начинает срываться с потемневшего неба: сначала редкие капли, потом — плотный поток. Ещё немного, и день сменится вечерним сумраком, а в сумерках становится еще опаснее.

Огибаем ржавый вагончик с выбитыми окнами. Он явно врос в землю ещё до зомби-апокалипсиса: проржавевшие борта покрыты мхом и плющом, дверь перекошена и наполовину сорвана с петель. На стене — едва различимая надпись аэрозольной краской: «Надежда умирает последней». Как символично.

— Быстрее! — хрипло бросает Кайл, не сбавляя темпа.

Дыхание сбивается, в боку колет так, что хочется остановиться, согнуться пополам и отдышаться.

Кайл на мгновение замедляется, хватая меня за рукав, тянет в узкий проулок между двумя одноэтажными зданиями.

ми.

— Сюда!

Мы пробираемся между грудками битого кирпича и искореженного металла. Под ногами хрустят осколки стекла, путаются обрывки проводов. Впереди виднеется арка, заросшая диким виноградом — за ней должна быть короткая дорога к гаражу.

— Вон он, — Кайл указывает вперёд.

Я напрягаю зрение. Сквозь пелену дождя и сгущающиеся сумерки действительно различаю очертания строения. Это дает новый импульс — я нахожу в себе силы прибавить шаг.

Рык позади становится громче. Оборачиваюсь через плечо: твари выскакивают из-за вагончика, их фигуры размыты дождем, но я отчётливо вижу, как они идут через лужи, как дёргаются их конечности.

— Они близко, — шепчу я.

— Дождь приглушает звуки, — Кайл бросает на меня быстрый взгляд, — мертвяки потеряли наш след.

Мы выскакиваем из проулка. Перед нами — ряды сельскохозяйственной техники: тракторы, плуги, сеялки, покрытые слоем грязи. За ними виднеются несколько ангаров с синими крышами. Гараж уже виден: массивная металлическая конструкция с тяжёлой дверью, частично скрытая за разросшимися кустами сирени.

Из последних сил подбегаем к гаражу. Навесной замок блестит на оранжевой двери.

— Чёрт, — только и могу сказать сквозь рваное дыхание, грудь ходит ходуном, в висках стучит кровь.

— Мы фартовые! Тут ключ! — шумно дыша, Кайл нащупывает ключ под козырьком над дверью, проворачивает его в замке, открывает скрипящую дверь.

Машинально втягиваю голову в плечи, ожидая, что на противный звук сбегутся все зомби с округи. Оборачиваюсь — позади лишь дождь, размытые силуэты техники и ни одной шевелящейся тени. Пока никого.

Заходим внутрь. Кайл тут же закрывает дверь и вешает замок с внутренней стороны. Мы погружаемся в полную темноту. В помещении стоит густой запах мазута, машинного масла и пыли.

— Кайл? — шепчу сквозь пересохшее горло.

— Я здесь, — отзывается он рядом. — Сейчас найду выключатель, нам нужен свет...

Делаю шаг вперед, решая, что нужно помочь ему, но тут же ударяюсь ногой о что-то твёрдое — металлический угол, острый и безжалостный. Боль пронзает ногу, я едва сдерживаю вскрик.

— Вот же гадство, — сквозь зубы цежу, потирая ушибленное место.

— Стой на месте, тут могут быть ямы для ремонта машин, — предупреждает Кайл, продолжая шарить руками по стенам в поисках выключателя. — Я сам справлюсь. Не хватало ещё, чтобы ты провалилась.

Слышу, как он тихо чертыхается. Потом короткий щелчок, и над головой вспыхивает тусклая лампа. Свет мигает, разгоняя тьму, и мы наконец можем оглядеться.

Вокруг — старый гараж: вдоль стен стоят верстаки с инструментами, на полках — банки с болтами, ржавые детали, канистры. В центре — глубокая ремонтная яма, прикрытая древесным настилом и серый внедорожник. У дальней стены — старый генератор, покрытый пыльным брезентом.

Кайл оборачивается ко мне, вытирает рукавом пот со лба: — Ну что, — говорит он чуть хрипло, — мы на месте.

Я киваю, прислоняюсь к стене, сползаю вниз, сажусь на холодный бетонный пол. Ноги дрожат, дыхание всё ещё прерывистое.

— Это будет наш склеп. Тут мы и умрём, — прикрываю лицо ладонями, пальцы дрожат, голос срывается.

— Да хватит нас хоронить! — с нажимом говорит Кайл, в его голосе звучит сталь. — Я отлично себя чувствую, по крайней мере съесть тебя мне не хочется. А вот по заднице надавать — это да...

Поднимаю глаза. Он задирает штанину. На икроножной мышце — след от зубов: кожа содрана, но прокусана только в одном месте, одна капля крови запеклась, образуя корочку.

— Может... может пронесёт? — с надеждой смотрю на него, цепляясь за эту мысль, как утопающий за соломинку.

Он небрежно пожимает плечом, старается дать понять, что всё хорошо, он не волнуется. Но я-то вижу: в глубине его

глаз — тревога, а напускное самообладание не убедит меня в нормальности происходящего.

— Пронести может от просроченного йогурта, а тут — надежда на везение, ну и на вакцину, — Кайл берет в руки баллончик с надписью «Газ».

— Что это? — поднимаюсь с пола, подхожу к нему, всматриваюсь в надпись.

— Газовая горелка. Сейчас я прижгу рану, — он кладёт руки мне на плечи, твердо смотрит прямо в глаза. — Потом проверим тачку. Если она на ходу — едем дальше.

— А если нет? — мой голос звучит едва слышно.

— Решаем проблемы по мере их поступления, — Кайл склоняет голову к плечу. — Если пойдёт что-то не так, ты должна пристрелить меня. Поняла?

— Нет! Я не смогу этого сделать! — сердце сжимается от боли, кажется, ещё немного — и оно разорвется на части. В горле встает ком, глаза щиплет от слез.

— Я не хочу бродить по земле и жрать ни в чём не повинных людей, — начинает Кайл, притягивает меня к груди, его голос становится тише, мягче. — Знаешь, умирать я пока не собираюсь, но обещание взять с тебя я должен. Так мне будет спокойнее.

Делаю шаг назад, собираю всю себя в кулак, очищаю мысли от всех страданий. Мне нужно действовать. Страдать и плакать... Это оставлю на потом.

— Так жги свою рану! Хватит болтать, мы тратим драго-

ценное время!

— Вот теперь я узнаю свою девочку, — Кайл растягивает улыбку, подмигивает и отворачивается. Начинает рыться в поисках того, что можно использовать для прижигания.

— Ада, я не услышал ответа, — бросает он, не оборачиваясь.

Делаю вдох, выдох. Отвечаю, сама не веря в правдивость своих слов:

— Обещаю, если ты станешь... станешь... — не могу завершить фразу, произнести это вслух. Горло перехватывает, голос дрожит, а внутри всё сопротивляется самой мысли о том, что это вообще возможно.

— Тварью, мертвецом, бешеным, зомби. Ты можешь называть как угодно, — подсказывает он, по-прежнему стоя ко мне спиной. Его плечи чуть напряжены, но голос звучит буднично, будто мы обсуждаем, какой фильм посмотреть.

Зажмуриваюсь на мгновение, собираю остатки воли в кулак.

— Я сделаю это, Кайл, — говорю, до боли закусывая губу. Слова даются с трудом, будто я проталкиваю их сквозь невидимую преграду. — Я... сделаю это.

— Спасибо, — тут же отвечает он.

Наконец оборачивается, и я вижу, что его лицо побледнело, но на нём нет ни тени страха. Только усталость и какая-то детская надежда.

— Аптечка! — кивает мне за спину.

В миг оказываюсь около красного чемоданчика. Открываю его — внутри бинты, спиртовые салфетки, йод и обезболивающие.

— То, что нам пригодится, — перебираю руками содержимое.

Позади меня раздаётся щелчок и шипение. Кайл удерживает какую-то металлическую штуку с квадратным наконечником — газовая горелка светится синим пламенем, накаляя металл. Лицо Кайла сейчас не выражает ни одной эмоции, оно бесстрастно. Глаза сужены от напряжения, цепко следят за процессом нагревания металла.

— Как мне тебе помочь? — осторожно спрашиваю у него.

Он, не отрываясь от процесса, тихо отвечает:

— Перевяжешь мне рану. Подготовь бинты.

Лихорадочно разрываю упаковку, достаю стерильный материал.

Металл накалился докрасна. Кайл выключает горелку:

— Не смотри, — коротко бросает мне.

У меня всё сжимается от боли и чувства бессилия, когда я слышу шипение кожи. Запах вмиг оседает на моих рецепторах. Кайл сжимает губы в тонкую белую линию, всё лицо искажено от боли, но он не позволяет себе кричать — лишь тихое мычание доносится из его груди. Капли пота стекают по лбу, собираются на висках. Наконец он убирает проклятую железяку, кладёт её на пол.

— Бинтуй, — со стоном выходит у него. Он опирается та-

зом о стол, закидывает голову к потолку, дышит прерывисто.

Сажусь около ноги. Насыщенный запах жженой кожи ложится на язык, оставляя неприятный привкус, но мне всё равно. Внутри всё молит об одном: чтобы Кайл остался жив. Ради этого я бы сделала что угодно — прошла бы через огонь, проглотила яд, съела пуд дерьма, только бы он выжил.

Быстро наматываю бинт, затягиваю узел, проверяю, чтобы не было слишком туго.

— Готово, — поднимаюсь, вытираю остатком материала его бледное лицо. Пальцы невольно задерживаются на щеке — кожа холодная, влажная.

— Теперь проверить машину, — он касается прохладными губами моих пальцев.

— Как ты себя чувствуешь? — в догонку спрашиваю его, всматриваясь в покачивающийся силуэт.

— Отлично, — отвечает через плечо, прихрамывая, приближаясь к машине.

Судя по его виду, я понимаю, что он врёт. Вижу, как с каждой минутой он становится всё бледнее, холодный пот бисером усыпает всё его лицо, взгляд теряет фокусировку. Ледяная тревога поднимается в груди, пытаюсь погасить маленький очаг надежды на положительный исход. Гоню от себя эту дрянь. «Иди на хер, — мысленно посылаю тревогу».

Кайл садится в машину, поворачивает ключ. Двигатель сразу отзывается удовлетворительным ворчанием.

— Отлично, — выходит, стирая пот рукой.

Беру со стола бутылку. Поворачиваю крышку, молясь, чтобы там была вода. Нюхаю — чисто. Пробую на кончик языка — вода. Протягиваю Кайлу.

Он выставляет ладонь с посиневшими кончиками пальцев:

— Нет. Сначала пей ты. Вдруг я заразен.

Встречаюсь с темными глазами — в них продолжает гореть жизненный свет. Значит, не всё потеряно. Делаю несколько жадных глотков и отдаю половину.

Кайл тут же присасывается к бутылке, выпивает всё до конца.

— А теперь слушай меня внимательно, — холодная ладонь дотрагивается до моей щеки, большой палец поглаживает кожу. — Что бы ни случилось, ты едешь в Монс. Логан тебе поможет добраться к родителям или оставайся там...

— Кайл, ты же сказал, что с тобой всё нормально, — сжимаю его пальцы.

Он молча отстёгивает кобуру с пистолетом с пояса, цепляет мне на ремень. Пальцы слегка дрожат, движения неточные.

— Зачем? — хмурясь, слежу за его действиями.

— Так надо, — он расстегивает свой ремень. — Я лягу на заднее сиденье, ты сядешь за руль, будешь внимательно следить за дорогой и за мной. В случае чего ты знаешь, что со мной делать.

— Пожалуйста, Кайл, скажи, что всё хорошо, — мой под-

бородачок начинает предательски дрожать, когда я смотрю в его усталое и восковое лицо.

— Всё хорошо, — шепчет он, наклоняется, целует меня в висок.

Подаясь ближе, тянусь к его губам, но он выставляет палец, останавливая меня:

— Нельзя. Это может быть опасно.

Его начинает вести в сторону, он расставляет ноги, ловя баланс. Подхватываю его под руку.

— Та-а-к, мне нужно присесть, — шепчет, бережно опираясь на меня.

— Ты справишься. Ты сильный. Ты обязательно справишься, — твержу как мантру, помогая ему сесть.

— Ада, любимая моя девочка, — его голос звучит всё слабее. — Прости, что так вышло. Чёрт... — он встряхивает головой, пытается сфокусировать на мне взгляд. — Ты — моё всё, и мне до одури не хочется тебя оставлять одну в мире, где на каждом шагу тебе потребуется защита.

— Так борись! Не оставляй меня, — обхватываю его лицо, покрываю холодную кожу поцелуями. — Я люблю тебя, Кайл. Слышишь? Люблю тебя!

— Наконец-то ты это сказала, — кривая улыбка появляется на его губах и тут же бессильно уголки губ возвращаются на место.

Трясущимися руками он подносит кожаный ремень к своему рту.

— Это на случай, если я стану тварью, которая решит убить тебя. Намордник из подручных средств. Помоги застегнуть, — его язык еле ворочается, слова растягиваются, словно пьян.

Он зубами закусывает кожу ремня, заводит концы за затылок, кивком давая понять, что пора застегнуть. До конца не понимая реальность происходящего, делаю, что он велел.

— Готово, — комментирую, делая шаг назад.

Внутри всё обрывается, когда я вижу, как карие глаза исподлобья смотрят на меня, жизненные искры гаснут, зрачки закатываются, тело валится вперед. Удерживаю его, не давая упасть. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я затягиваю тяжёлое тело Кайла в салон.

— Держись, Кайл! Держись, мать твою! — истерично кричу, обегая кузов. — Ты не можешь умереть! Ты обещал быть со мной!

Глава 2

Снимаю замок с ворот, швыряю в сторону — он с громким лязгом падает на бетонный пол. Толкаю ворота: они со скрипучим стоном распахиваются. Одно полотно упирается во что-то и по инерции начинает обратно закрываться. Упираюсь руками, толкаю его обратно. Сопротивление исчезает — и я с трудом удерживаю себя от падения, уцепившись пальцами за ржавую ручку двери.

Обглоданная кисть хлопает по металлу рядом с моей рукой. Отпрыгиваю назад, хватаю с пола арматуру. Тут же делаю взмах — бью твари по костлявой конечности. Та с влажным хрустом ломается, повисая на синем изодранном рукаве.

Но мертвеца это несколько не тревожит. Он рваным движением выбегает на меня. На голове — оранжевая каска, горло разорвано, синяя форма в коричнево-бурых пятнах и дырах. Тварь скалится, открывает рот, тянет ко мне одну уцелевшую руку.

Со всей злостью, которая бурлит во мне, как горная река, бью в мертвецки-белый глаз. Арматура вонзается в глазницу, проходит сквозь мозг. Зомбак мешком падает назад.

Со скользким звуком вытаскиваю своё оружие из его черепной коробки, вытираю кровь об единственно чистый участок на его одежде и разворачиваюсь к машине. Сердце тара-

банит, будто десятки копыт бьют в грудь. Одна мысль пульсирует в голове: «Спасти Кайла!»

Подбегаю к машине. До ушей доносится множественное рычание. Бросаю короткий взгляд в распахнутые ворота: дождь прекратился, в сумраке вижу, как в мою сторону бегут фигуры — сгорбленные, дерганные, с вытянутыми руками. Страха нет. Всепоглощающая злость на всех и всё вокруг заполнила меня под завязку, вытеснив остатки паники.

— Ну уж нет, суки, сегодня без ужина! — выплевываю слова, запрыгивая за руль. Пальцы уверенно хватаются за ключ зажигания.

Поворачиваю его — движок отзывается готовностью, довольно порывивая, словно понимает, что сейчас начнётся гонка не на жизнь, а на смерть. Оборачиваюсь на Кайла: лицо бледное, как бумага, глаза закрыты, веки подрагивают в каком-то лихорадочном ритме. Всё лицо покрыто холодным потом, короткие тёмные пряди прилипли к коже. Ремень плотно натянут между губ — этот импровизированный намордник выглядит так дико, так жестоко, так неправильно...

На секунду замираю, борюсь с желанием выдрать эту чертову штуку у него изо рта. Но хлопок по кузову отвлекает меня — резко поворачиваю голову.

Долговязая, высокая женщина с остатками бигудей на рыжих волосах стоит у борта. Вместо глаз — провалы, нос отгрызан, края раны неровные, кровоточащие. Она кладет зубами, пальцы скребут по металлу. Её движения настойчи-

вые, она не сдастся, пока не доберется до добычи.

Стискиваю зубы, сжимаю руль. Втыкаю передачу, давлую газ в пол. Внедорожник отзывается сразу же — рывок, массивный нос машины тыкает безносую *красотку* в грудь. Она падает. Раздается хруст, машина подпрыгивает на ней, выносит нас из помещения гаража.

Толпа тварей на ходу толкает в бок автомобиля — его ошутимо качает, я резко дергаю руль в сторону, колеса визжат на заносе. С трудом, но мне удаётся выровнять управление. Внедорожник подчиняется, выскакивает на более-менее ровную часть дороги.

Бешеные от удара заваливаются друг на друга, образуя кишашую массу: руки, ноги, рты — всё перепуталось в этой живой куче. Они хаотично пытаются подняться, некоторые на четвереньках бегут следом, перебирая конечностями, как пауки. Но я скрываюсь от них за поворотом, уносясь прочь — расстояние между нами растёт, силуэты размываются в сумерках.

Кайл тихо стонет, потом рычит. Затем снова слабый стон. С каждым звуком, доносящимся с его стороны, частичка моего сердца умирает. Внутри всё сжимается, горит.

— Держись, Кайл, — шепчу, крепче сжимая руль. — Не умирай. Прошу тебя...

Он не отвечает. Неровное дыхание едва слышно за шумом мотора. Ремень всё ещё натянут между зубами, и я не решаюсь его снять: вдруг он очнется не таким, каким был? Вдруг

эта тварь уже внутри него, ждёт момента, чтобы вырваться наружу?

Дорога петляет между заброшенных, старых домов, заваленных мусором и рядом деревьев. Поворот, ещё поворот, через пару кварталов будет выезд на шоссе, а там — прямая дорога до Монса. Если бензин не кончится. Если машина выдержит. Если...

Гоню прочь эти «если». Сейчас есть только дорога, руль и Кайл позади.

— Ты обещал быть со мной, — говорю вслух, будто это может его удержать. — Ты не имеешь права уходить! Не имеешь! Слышишь? Я запрещаю тебе бросать меня!

Кайл снова издаёт звук — на этот раз что-то среднее между стоном и хрипом. Его пальцы на сиденье слегка шевелятся, будто он пытается что-то сказать, но не может.

Я прибавляю скорость. Впереди — светофор с разбитым стеклом, за ним — указатель с полустертой надписью «Монс → 300 км».

— Охренеть... триста километров, — до крови кусаю губу, чтобы удержать истерику, пытающуюся вырваться наружу. Триста километров — это вечность, каждая секунда жизни Кайла может стать последней.

Сворачиваю на трассу. Фары выхватывают из темноты два мотоциклиста: они, ревя моторами, проносятся мимо, быстро удаляясь. Их силуэты мелькают в свете фар — два тёмных пятна, растворяющиеся в ночи.

В такой темноте, на дороге может поджидать всё что угодно: ямы, обломки машин, завалы, а то и целые стаи тварей.

Включаю дальний свет — он пробивает тьму узким лучом, выхватывая фрагменты разбитого асфальта, брошенные автомобили, обглоданные кости. Дорога — как минное поле: не знаешь, где ждет следующая ловушка.

Бросаю быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Никого.

Кайл снова стонет — на этот раз звук получается протяжным, мучительным. Оборачиваюсь: в этот момент его выгибает в дугу, черты лица искажаются в выражении боли, глаза распахиваются — в них мелькает дикий страх, но тут же веки смыкаются. Зубы скрипят, сжимаясь на кожаном ремне, а затем его начинает бить судорогой. Он хрипит, из уголков губ выбивается розовая пена.

— Нет! Кайл, нет! — выжимая тормоз, отчаянно ору, будто это может удержать его душу в теле. Внедорожник виляет, шины визжат по асфальту, но я кое-как удерживаю управление, останавливаюсь посреди дороги.

Выскакиваю из машины, распахиваю заднюю дверь. Кайл бьётся в конвульсиях, его тело дёргается, мышцы напрягаются так, что проступают жилы. Пена у рта становится гуще, на коже выступает испарина.

— Кайл! — хватаю его за лицо. — Кайл, очнись! Слышишь меня?

Он не реагирует. Судороги не прекращаются, дыхание прерывистое, хриплое. В панике оглядываюсь по сторонам

— вокруг только тёмная дорога и тишина, нарушаемая лишь его хрипами и стуком моего сердца.

Понимаю, что из-за ремня он может захлебнуться слюной.

— К чёрту эту ебаную безопасность! — пальцами нащупываю рукоять ножа. Влажные ладони скользят — вытираю их о штаны, делаю глубокий вдох, чтобы унять дрожь. Провываю палец между щекой и ремнем, осторожно завожу туда лезвие и в пару движений разрезаю самодельный намордник.

Судороги стихают. Кайл с жалобным стоном выдыхает, голова безвольно поворачивается на бок, зубы разжимаются, давая мне возможность достать остаток ремня. Дрожащей ладонью вытираю его синие губы, стираю слюну с холодных щек.

— Я рядом, потерпи... Я найду способ... — шепчу, лихорадочно целую его по всему лицу. — Мы справимся, слышишь? Мы доберемся.

Одна его рука свисает с сидения, ладонь лежит на полу, другая вытянута вдоль тела. Хриплое дыхание становится редким и поверхностным. Смахиваю слезы со своих глаз. В мозг бьет острое, как клинок, осознание: с чего я решила, что в Монсе ему помогут? Отец ведь сказал, что укус твари равен смерти.

— Не-е-т! — рычу, осторожно закрывая заднюю дверь. — Он не умрёт! Ему помогут, обязательно помогут...

Оббегаю машину. Удар в грудь — от него я падаю назад.

Затылок приземляется на шершавый асфальт, зубы кладают, боль и цветные круги плывут перед глазами. Организм, пульсирующий только спасением Кайла, впрыскивает в вены конскую дозу адреналина, приглушая боль. Дергаю головой, приводя себя в чувства.

На меня навалилась тварь непонятного пола. Лицо настолько обезображено, что не разобрать: кожа с головы полностью снята, нижняя челюсть сломана, не давая сомкнуться зубам на моей руке, которая упирается в его мертвенно-холодное, склизкое лицо. Мои пальцы скользят по слизи на мышцах. Вонь гнилого разложения заполняет весь воздух, вызывая желание поскорее избавиться от этой мерзости. Из открытой пасти, сквозь мои пальцы сочится густая, черная слюна — она тягучими каплями покрывает кожу моего лица.

— Да как же меня это всё задрало! — с натугой рычу и вбиваю нож мертвецу в ухо. Лезвие входит с противным хрустом. Тварь дергается, издает булькающий звук и обмякает, придавливая меня к земле.

С усилием отталкиваю от себя тяжелое тело, откатываюсь в сторону, вскакиваю на ноги. Дыхание сбито, руки дрожат, но адреналин держит на ногах. Оглядываюсь — вокруг ещё несколько фигур, они быстро приближаются, пошатываясь, кладая зубами.

— Жрать на ночь, вредно для фигуры, — цежу сквозь зубы, выдергивая нож из головы твари и вытирая лезвие о её лохмотья.

Бросаюсь к машине, залезаю внутрь. Руки все еще трясутся, но я заставляю себя сосредоточиться. Поворот ключа — двигатель рычит, отзываясь на мое отчаяние.

В зеркало заднего вида вижу, как твари подбираются ближе. Выжимаю газ. Внедорожник срывается с места, колёса пробуксовывают, но потом цепляются за асфальт.

Преграды в виде разбитых машин заставляют постоянно сбрасывать скорость. Осторожно объезжаю их, чтобы Кайл не свалился с сидения. Его голова качается из стороны в сторону, как у сломанной куклы.

Каждая клетка моего тела напряжена до предела. Меня пробирает нервная дрожь, из-за которой зуб на зуб не попадает. Руки на руле дрожат. Взгляд мечется между асфальтом впереди и зеркалом заднего вида.

— Мы прорвемся, — шепчу, бросая взгляд в салон.

Он не отвечает. Дыхание едва уловимо — только по подрагиванию груди можно понять, что он ещё жив. Лицо бледное, почти серое, губы посинели, на виске пульсирует тонкая жилка.

Очередной завал — три машины, столкнувшиеся в лобовом ударе. Огибаю их по обочине, колёса проваливаются в яму, внедорожник кренится, и я инстинктивно вытягиваю руку назад, будто могу удержать Кайла от падения.

— Ну же, давай, — цежу сквозь зубы, выворачивая руль.
— Ещё чуть-чуть...

За спиной раздаётся слабый стон. Резко оборачиваюсь:

Кайл приоткрывает глаза — на мгновение в них мелькает осмысленность, затем взгляд снова затуманивается.

— Ада... — хрипит он еле слышно.

— Я здесь! — тянусь к нему, касаюсь лба. Он холодный, липкий от пота.

Кайл пытается что-то сказать, но силы покидают его — веки снова опускаются, голова безвольно откидывается на сиденье.

— Значит, не всё потеряно, — киваю себе, выруливаю на дорожное полотно.

Резкий, грудной крик — от него я подсакиваю, сердце словно отрывается от артерий и вылетает из тела. Кайла вновь накрывает приступ: его тело выгибается дугой, мышцы напрягаются так, что проступают контуры под кожей, руки судорожно сжимаются в кулаки, а пальцы скрючиваются.

Он бьётся в конвульсиях, голова мотается из стороны в сторону, пена у рта становится гуще, на губах проступает кровь — видимо, прикусил язык. Дыхание прерывистое, рычащее, хриплое.

— Господи! Если ты существуешь — помоги мне! — умоляюще кричу в пустоту.

Веки обжигает слезами — они катятся по щекам, оставляя горячие дорожки, смешиваются с потом, стекают к подбородку. Я, не останавливаясь еду дальше, понимая, что, если остановлюсь — лишь потеряю драгоценное время. Помочь ему ничем не могу... кроме как доставить туда, где возмож-

но ему смогут помочь.

Около минуты его измученное тело сокращается в судорожном припадке.

С усталым стоном он выдыхает, раскинув посиневшие руки вдоль тела. Судороги отпускают его так же внезапно, как и накатили. Кайл обмякает на сиденье, грудь едва заметно поднимается и опускается. Пена у рта оседает, оставляя кровавый след на коже.

— Кайл... Ты слышишь меня?

Тишина. Глаза закрыты, лицо — бледная маска с заострившимися чертами.

Всхлипываю, проглатываю горькие слёзы. Чувствую отчаяние, бессилие и первобытный страх услышать последний вздох дорогого мне человека. Пальцы на руле белеют от напряжения.

— Не смей, — шепчу дрожащим голосом. — Не смей сдаваться. Ты обещал, что мы всегда будем вместе. Помнишь?

Кайл лежит неподвижно. Его кожа кажется почти прозрачной в свете приборной панели, вены проступают темными линиями. Губы синеватые, на виске — тонкая струйка пота, стекающая к волосам.

«Он дышит, — повторяю про себя, как мантру. — Он дышит. Значит, ещё не всё потеряно».

Каждый метр — испытание: то яма, то завал, то груда искореженного металла. Я объезжаю препятствия, стараясь минимизировать толчки — боюсь, что очередной рывок мо-

жет ухудшить состояние брата. Сердце бьётся в такт неровностям дороги.

В свете фар замечаю вереницу из черных внедорожников. Они выстроились у обочины, как сторожевые псы. Люди в темной одежде таскают ящики к грузовику из придорожного помещения: кто-то несёт коробки с маркировкой, кто-то проверяет крепления, кто-то отдает распоряжения. Движения чёткие, слаженные — видно, что это не случайный сбор, а запланированная операция.

Облизываю пересохшие, потрескавшиеся губы — во рту сухо, как в пустыне. Глаза цепляются за мужчину в белом халате: он стоит чуть в стороне, держит планшет, что-то отмечает, периодически бросает взгляды на ящики.

— Доктор! — вскрикиваю я. — Это должен быть доктор!

Подъезжаю ближе, резко торможу возле колонны автомобилей. Внедорожник замирает.

Глава 3

Выскакиваю из машины. Щуплый мужчина в медицинском халате замер, прижимая к себе планшет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.